

НЕОСТОРОЖНОСТЬ

Часть 1

Батюшка приехал на станцию за два часа до отхода поезда. Выбрался он из дому, когда только что взошло солнце, и ехал тридцать верст среди коноплей, лесом и лугами, и пахло от него коноплей, цветами и придорожной пахучей пылью. А на станции пахло каменным углем, маслом и разогретым на солнце железом. Работник, от которого пахло так же, как и от батюшки, и, кроме того, лошадиным навозом, потом и дегтем, повернул круто тарантасик на двух боковых колесах, поправил сиденье и уехал, и батюшка остался один со своим мешочком, зонтиком и сдобными лепешками. На минуту батюшке взгрустнулось, и он крикнул слабым тенорком:

- Иван! А Иван!

Но работник был далеко и не слышал. И вдруг батюшке стало весело: и от того, что он один в таком незнакомом и необыкновенном месте, и от того, что едет в город, и от ясного, безоблачного неба, которое поверх железной крыши широко и успокоительно синело на него. Сперва он чинно посидел на скамейке, приятно чувствуя, что он уже во власти того сложного и нестерпимо любопытного, что называется поезд и железная дорога; но так как на станции не было ни души, то осмелился и начал всюду осторожно заглядывать. Заглянул в буфет: там стоял длинный стол, покрытый мраморной клеенкой, и по клеенке ползали мухи. Почтительно заглянул в телеграфную: там тоже не было никого, и аппарат один что-то выстукивал, выпуская длинную, белую ленту. Батюшка покачал головой, поперхнулся и сказал:

- Премудрость!

Постоял у кассы, но, так как касса была заперта и никого, кроме него, не было, пошел на платформу.

Понравилась ему и платформа: была она длинная, чистая, деловитая, кое-где просмоленная, кое-где залитая асфальтом, - как и надо для такого большого и важного дела. И в разные стороны бежали от нее лоснящиеся рельсы, точно хранящие еще следы бесчисленных, грохочущих поездов; и если поехать в одну сторону, то приедешь в один неведомый конец мира, а в другую - в другой такой же неведомый, такой же загадочный конец. Эта мысль так взволновала батюшку, что он чуть не бегом отправился к кассе, однако - заперта, и ни души народу. Все еще рано.

- Удивительно! удивительно! - важно и даже строго говорил батюшка и энергично покачивал головой, от чего с волос его и с одежды незаметно сыпалась тонкая дорожная пыль. Вероятно, от этой пыли, смягчавшей шелест одежд, движения его были бесшумны, и только сапоги громко выстукивали большими подкованными каблуками, до неприличия громко. Поэтому сошел с платформы на путь, на мягкий, шуршащий песок, - и увидел паровоз. Большой, черный, грязный паровоз. Стоял он на запасном пути и как будто спал, - но было в этом явное притворство. При всей своей неподвижности и тишине казался он настоящим повелителем этих мест, суровым, железным чудовищем, полным скрытой силы и безграничного, неудержимого стремления. Это он, если захочет, может улететь в тот или другой конец света. Это он с грохотом, лязгом, свистом проносится днем и ночью по скользким рельсам, орет, разгоняет народ, давит неосторожных, зажигает на всем своем пути зеленые и красные огни - он, неподвижный и грязный комок железа, непонятное сплетение колес, труб и рычагов.

- Удивительно! - сказал батюшка с ударением.

- Удивительно!

А над головой синело широкое, безбрежное небо и звало куда-то.

Часть 2

Но, видимо, он и вправду спал. Ни дыма, ни шороха - совсем как мертвый. И на тендере никого. Была полная возможность протянуть руку и осторожно погладить самое колесо. Батюшка сделал это, но почему-то раньше послюнил пальцы, как будто боялся обжечься. Еще послюнявил...

Оглянулся испуганно - через путь идет баба и смотрит на него. Нахмурился и сделал вид, что поправляет бороду, достал синий клетчатый платок и долго вытирал лицо: пусть баба думает, что запотел. Действительно запотел, на платке от пыли и пота остались грязные полосы. Обманутая баба